

Сёма ТКАЧЕНКО

просьба отойти от края платформы

какая сумятица в поезде-электричке
ночью не видно лиц пассажиров ИЛИ
за окном продолжаются переключки
верстовых столбов и фонарей в мундирах

рельсы упрямо ждут окончания рейса
но растворяются следом за локомотивом
в северо-западной пыли и южной взвеси
ИЛИ становятся бряцающим пунктиром

песенка как неродная в ушах
проводник проснулся
и рукавом протирает окно вагона
поезд ушёл ИЛИ с поездом разминулся
ИЛИ вагон-ресторан по ночам взволнован

тем что мужчины в России отцов не знают
и потому длится горе в звенящих кружках
мы прибываем ИЛИ поезд в разрезе замер
на перегоне северном в шуме южном

Сибирское лето

посв. Егору Евсюкову

как ни смыкай глаза все равно сибирь
эхо звучит в мозгу до пустых околиц
тащит безмолвие в лес распирает вширь
где там его отыскать бы в траве по поясу
или в снегу крупнозёрном как чешуя
видишь же как суетится да в поле рыщет
выйдешь к нему и уйдет из-под ног земля
ветер слова украдет да своё просвищет
что в сновидениях быстрых терять родных
что просыпаться на даче одно и то же
еле раскроешь глаза и запишешь стих
и ничего не случится сегодня больше
вот и ходи по спирали потом за ним
в летнем болотном тумане черти квадраты
он остается таким же глухонемым
парадоксальный невидимый согладатай

Сёма Ткаченко родился в 2001 году в Томске. С 2020 года – студент Литературного института им. А.М. Горького. Редактор сетевого журнала «Таволга». Публиковался в журнале «Новый мир», на порталах «Новая карта русской литературы», «Полутона», в сетевом журнале «Флаги» и арт-дайджесте «Солонеба».

Der Flug

что остается выцветшие страницы
как от луны отражается белый свет
так на плечо холодами зима ложится
будто бы выдумка есть оно или нет

ветер бумагу раскидывал понапрасну
и без того здесь ни буквы не разобрать
пасмурно точка когда уже будет ясно
снега побольше поменьше заболеть

пить молоко ноября вспоминая сны но
от молока привкус гари на языке
капает с неба луна и на веках стынет
льется строкой бессловесной в моей руке

всё ничего просто выдумка а подснежник
был молчаливою песней небесных рыб
сон остается трагедия неизбежна
как неизбежны похмелье и недосып

если записывать сны – на какое имя
или устать выдумывать имена
и оставлять тетради совсем пустыми
словно нутро прорастающего зерна

или шуметь понапрасну тревожить сына
брать со столешницы неба стакан воды

месяц отходит на шаг выгибает спину
ёжась от горького привкуса лебеды

и остается на свете одно безмолвье
белое-белое ветром как простыня
бьется о стены скребется о дно глазное
в чёрного превращается журавля

гнется в полёте подкрылком и сучит клювом
по бесконечно далёкой уже земле
спит на лету но патрон покидает дуло
чтобы навечно остаться в его крыле

Alten

расцветали рябины и вишни
старики выходили с окна
и молчали то громче то тише
как пульсирующая десна

стариков возвращали на небо
били в спину ломали носы

угощали краюшечкой хлеба
рюмкой водки и каплей росы

осыпались в квартире растенья
сумасшедший раскручивал кран
не до кладбищ в момент пробуждения
дела нет до меня старикам

до того засиделись в прихожей
что теперь и в лицо не узнать
старикам тут не место а может
нам самим предстоит умирать

Как пыль, как взвесь, как белое пятно,
мне снится сон. И я во сне болею.
Апрельский снег расстреливал окно,
но целился в застуженную шею.

Как пыль, как взвесь... мне больно говорить,
но вот во сне находишь мелочёвку,
которую хотелось бы забыть:
и в комнате уже перестановка,
а на окне заплесневелый хлеб.

Скребутся мыши или входит старость,
безумно одинокая, как степь.

И что теперь в коробке сна осталось?

Детали незначительны. Апрель,
и, в общем, всё, что заменяет воздух,
не кажется невидимым теперь.

То был не снег, но сыпалась извёстка
с подъездных стен. А белая вода
стучит в окно, отбрасывает тени
и пишет слово «смерть» наоборот,
зеркальное заметив отражение.

Из цикла «дневник птицелова»

2.

через сон дотянется может быть
померещится за углом
все ни рыбу есть все ни водку пить
не сидеть за одним столом

вот колечко нашел да кому оно
с чьей руки да кому в ладонь
достучалась воровка в мое окно
самой хитрою из ворон

блеск нахальных глаз как дурная весть
солнцем выжженный антрацит
а она все так же со мною здесь
и являясь во снах молчит

4.
все плывем-плывем по тропе-петле
по листве-траве да по яви-сну
как по облаку горлица на крыле
в непроглядно пустом саду

ничего не видно куда смотреть
я к тебе пришел и чего же вдруг
по спирали воздуха бродит смерть
и высматривает пичуг

что в кармашке я для тебя несу
знай воробушек в клюве не уташил
то колечко да гладкую бирюзу
я в шкатулке своей хранил

ветер льет из горлышка на весу
оплетает голову сухоцвет
затянуло инеем здешний пруд
да потерял след

5.
знать бы только куда зовет да о чем толкует
чернокрылая вестница падчерица твоя

я же знаю что это она я же видел такую
по ту сторону парка в пруду где теперь земля

в небе стаи над городом носятся черным дымом
сон навязчивый месяцем вспарывает висок

ты не рядом но здесь и порывисто дышишь в спину
мне с рассветом бы выйти за вестницей на восток

но натянуто небо холстом над моей столицей
где дышать тяжело но все чаще покинув дом

я себя ощущаю отчаявшимся сновидцем
в отражениях окон бредущим за огоньком